

ФАКСИМИЛЕ КОТА ПЕРСИКА

Владимир Сергеевич встретил меня в прихожей не один. Рядом с ним стоял абрикосового цвета перс, весом не меньше 20 кг. Он был отрекомендован Персиком, случайно найденным на станции метро "Таганская", и на протяжении беседы напоминал о своем существовании, то появляясь, то исчезая.

— Коты — инфернальные существа. Когда Михаил Левитин задумал поставить в театре "Эрмитаж" булгаковского "Мастера", на театр обрушилась цепь мистических неприятностей. Я невольно вспомнил об этом, когда режиссер Сергей Ломкин предложил мне написать музыку к фильму "Роковые яйца". Сразу мне в голову пришла странная мысль: не воплотилась ли душа героя "Роковых яиц" — профессора Персика — в моем Персике?! Однажды в процессе работы над партитурой наступил обычный момент сомнений — верно ли то, что я делаю? Вдруг на титульный лист выпрыгнули мокрыми после туалета лапами Персик, оставив свое факсимиле. Я понял, что Персик музыку принял и неприятности нас минуют.

— А кто "санкционировал" музыку к фильму о Шерлоке Холмсе?

— Когда режиссер Игорь Масленников в третий раз рано утром в субботу позвонил мне из Питера и вновь настойчиво спросил, прослушал ли я тему, открывающую культурную программу радио BBC накануне в пятницу (а именно ее по замыслу режиссера я должен был использовать как образец для темы Шерлока Холмса), мне стало ужасно неловко признаваться, что я опять забыл это сделать. И я поднес трубку к роялю и сыграл то, что мне в этот момент пришло в голову. А надо сказать, что я, как правило, сочиняю музыку именно в утренние часы. Так и появилась эта тема.

— Вы написали музыку к доброй сотне фильмов. Вероятно, случались и какие-то казусы?

— Не обошлось без этого. Для фильма "Гонимые" я написал песенку, которую должен был исполнять Евгений Леонов. А ему, как говорится, медведь на ухо наступил. Запись минутного номера длилась 8 часов. Обалдевшие музыканты по очереди подходили к Евгению Павловичу и исполняли ему мотивчик — кто на скрипке, кто на тромбоне, кто на ударных. После каждого проигрывания Леонов говорил: "Теперь я все понял" — и пел... не то. В конце концов злосчастную песенку склеили из 17 разных дублей.

— А правда, что в вашем прошлом есть пролетарские страницы?

— Еще какие! Я работал вальцовщиком на шинном заводе — а это не слабая работа: крутится гигантский стальной каток, и нужно подрезать ножом толстую резиновую оболочку. Потом я поступил в институт тонкой химической технологии. Окончив его, стал инженером на химзаводе "Вулкан", выпускающем резиновые изделия, нужные стране.

— Вы так любили химию?

— Не то чтобы любил. Просто институт находился на Пироговке, недалеко от дома.

— Там еще медицинский есть и педагогический.

— Медицина не для меня, я в обморок падаю при виде крови, что же касается педагогики, то впоследствии мне пришлось недолго преподавать в Гнесинском институте, где я продемонстрировал полную антипедагогичность. У меня учился, вернее, постоянно пропускал занятия Марк Пекарский, ныне известнейший музыкант, руководитель ансамбля ударных инструментов. Пришло время экзамена. Он приходит и говорит: "Мне нужна хорошая оценка". — "О чем ты говоришь?! Молись, чтобы была тройка". — "Нет, тройка не годится, нужна... пятерка". И я ему поставил "отлично", потому что он талантливый человек. Такая "педагогика", разумеется, была обречена. Мало того, я женился на своей ученице — скрипачке. Вскоре я оставил институт и занялся исключительно композицией.

ДА ЗДРАВСТВУЮТ СОСЕДИ!

— Как все-таки вы свернули с пути инженера-химика на композиторскую стезю?

— В детстве я хоть и занимался музыкой, но очень фрагментарно: шла война, эвакуация. Учиться я начал в 20 лет, уже будучи студентом химического института. Как ни странно, это произошло благодаря нашим соседям по коммуналке — Севастьяновым. У них дочь вышла замуж, и они попросили поставить к нам их пианино. Забросив все, я засел за инструмент, что-то сочинял и даже записывал свои произведения. Дошло до того, что встал вопрос об исключении меня из института. Вмешался отец. Я понял, что музыка — это химера, что мой удел быть инженером. Угодившись Пушкинскому Сальери, я предпринял попытку сжечь свои творения, чем привлек внимание главного пожарного управления, находящегося напротив дома. Не оставалось ничего другого, как загасить пожар водой из чайника. Весь романтизм ситуации был безнадежно оплошлен. У Сальери, вероятно, бытовые условия были лучше.

— Ваша жизнь — подтверждение тезиса о том, что от композиторской судьбы не уйдешь. Из рассказов ваших друзей известны удивительные вещи. Например, на заводе вы в обеденный перерыв играли в шахматы с будущим кинорежиссером Михаилом Долинским. Ведь это он впоследствии познакомил вас с Юткевичем. В семинаре самостоятельных (!) композиторов вы познакомились не с кем-нибудь, а сразу с двумя крупными музыкантами — с Николаем Каретниковым и со знаменитым Филиппом Гершковичем, учеником Альбана Берга.

— А я вообще везунчик. Считаю, мне повезло в том, что я не просиживал штаны за музыкальной партией: я не проходил музыку, а слушал ее. Повезло, что мой первый фильм — "Бумбараш", первая работа в театре — знаменитый спектакль "Смерть Ивана Грозного". В кино работал с Юткевичем, Абдрашитовым, в театре с Эфросом, Фокиным, Любимовым, Товстоноговым, Волочек. И, конечно, мне очень повезло с друзьями — Юлием Кимом и Еленой Камбуровой.

С Леной я познакомился сразу, как только написал свою первую песню. Это песня — "Люди только мешают" — была написана для Владимира Высоцкого, который должен был петь ее в спектакле "Господин Макинпот", поставленном Левитиным в театре на Таганке. Композитором свойственны некоторые иллюзии по поводу своих вокальных данных. Я не был исключением и решил записать эту песню в собственном исполнении. В Доме звукозаписи я своим голосом, который мой друг Миша Долинский называет бас-фальцет, стал исполнять эту песню. Вдруг подошла очень милая женщина и ска-

зала: "Я — Елена Камбурова". Я был польщен, но еще больше меня обрадовало ее предложение спеть эту песню. С этого началось наше дружество, которое продолжается до сих пор.

МУЗЫКУ СОЧИНАЕТ НАРОД, А МЫ, КОМПОЗИТОРЫ...

— Вместе с Юлием Кимом вы написали много произведений. Как это вы творите вместе?

— Как-то во время съемки "Бумбараша" мы приехали в город Канев, расположенный на Днепре. За Юликом тогда охотился КГБ: он проходил по делу "Хроники текущих событий" (шел процесс Якира и Красина), но их сбил с толку литературный псевдоним Юлика, и они на некоторое время упустили его из виду. Нас поселили в гостинице, построенной по личному проекту Хрущева. В середине ее находились прозрачные комнаты-пеналы из стекла. В одном из таких пеналов, с кроватями, стоящими вплотную друг к другу, мы и очутились. Ну, просто как рыбки в аквариуме. Я заснул. Юлик стал стучать на своей пишущей машинке (потом в Москве ее конфисковали), но я упорно спал. Тогда Юлик вскричал и страшным голосом завывал на какой-то якобы украинский мотив "Ой, ходят кони над рекою, ой, ищут кони водою!!!". Я очухался и сказал: "Это надо сделать на трех нотах". И тут же записал то, что мне пришло в голову. Так появилась песня,

сложными приемами "серьезной" музыки. Вы же в свое время называли это явление "третьим направлением". Неужели "третье направление" умерло и сейчас такую музыку некому слушать?

— На ТВ есть запись Реквиема на слова Ахматовой в исполнении Камбуровой, однако ее так ни разу не восприняли целиком. Получается, что мы сами стыдливо не хотим вспомнить о своем мрачном прошлом. Это опасная черта народа, не желающего признавать, сколько в нем есть страшного. Самым любимым политическим афоризмом нашего народа стала фраза "Народ устал". Не успев еще ничего сделать, не встав с колен, не выйдя из клетки, он уже устал! От чего, позвольте спросить?

— "Усталому" народу и музыка нужна соответствующая, навряд ли ваша. Как никогда публика сейчас увлечена русской поппой.

— Во всем мире поп и рок — культура тинэйджеров. Потом человек взрослеет, идет дальше. Конечно, лучшие великие имена остаются — Beatles, Элвис Пресли. Но появляется интерес и к другому искусству. У нас — сползание к низкопробной, малоценной культурной традиции просто каталогического. Сегодняшняя русская поп-музыка — это культурная колыбельная, убаюкивающая людей, порождающая апатию, выключаяющая их из жизни. Сейчас хорошую музыку можно послушать разве что в подземном переходе. Возле метро "Охотный ряд" квартет молодых музыкантов (среди них, между прочим, есть лауреаты) играет Моцарта. Возле

и сказал: "У, волонок..." Книжку конфисковали. Так что где-то в архивах КГБ хранятся мои мудрые мысли.

— Аrest вашего отца, вероятно, был связан с его происхождением.

— Думаю, что так. Мой род по отцовской линии восходит к старшему из рода Долгоруких: княгиня Варвара Долгорукая имела прямое отношение к нашей семье.

Прадед, Вячеслав Дашкевич, обессертил себя эпизодом, описанным Герценом в "Северных записках". Среди декабристов, сосланных на Кавказ, был один очень красивый человек — поручик Дашкевич, оказавшийся в ссылке отнюдь не по политическим мотивам. Инцидент произошел во время визита короля Баварского к его кузену, русскому царю Николаю I. Король Баварии приехал в сопровождении молодой танцовщицы Лолы Монте, которую он за большие деньги отбил у Вагнера (построил для Вагнера, между прочим, Байрейтский театр). Во время светского приема король застучал за ширмами ангельски хорошенького поручика Дашкевича с красивой Лолой, расположившихся для любовных утех. Король, естественно, выразил свое возмущение тем, что Лолу Монте, стоившую ему таких денег, в России так запросто отбивает какой-то поручик. И Николай отправил поручика Дашкевича на Кавказ.

Дед, Леонид Дашкевич, хотя отличался гораздо более строгими правилами, тоже попал в опалу. Он был предводителем дворянства Тамбовской губернии и вступил в конфликт с самим Столыпиным. Дед усмотрел в его реформах разрушительное действие на крестьянскую общину, что и отразил в своих статьях и брошюрах. За это его семь лет царское правительство не пускало из Парижа в Россию. Понадобилось троекратное личное ходатайство Льва Толстого, который добился того, что его пустили обратно в Россию. Мой отец родился вскоре после возвращения моего деда.

— Можно сказать, что своим рождением вы косвенно обязаны Льву Толстому: кто знает, что было бы, не вернись ваш дед в Россию.

— Дед был близок к русофилу Хомякову, дружил с графом Жемчужниковым. Отец рассказывал, что однажды из-за Жемчужникова даже был высечен. Граф приехал в имение в гости, а был он совершенно лысым и настолько воспитанным, что, когда мужи саждали ему на лысину, граф не делал никаких движений, чтобы их прогнать, так как это было бы моветоном. Отец забрался на дерево и запустил в лысину графа шишкой, возможно, из лучших побуждений: чтобы их отогнать мух. Однако эти добрые намерения не были приняты во внимание, и отца высекли. Простил он графа только потом, когда узнал, что Жемчужников — один из создателей Козьмы Пруткова.

— А какова ваша родословная по материнской линии?

— По матери я — Шнеерсон, почти прямой потомок хасидов, владельцев знаменитой библиотеки. Они все из Сурыжа, как и моя мать. Так что сочетание двух этих линий дает мне возможность спокойно и уравновешенно судить о том, что такое Россия, каковы ее особенности, хорошие и нехорошие.

УКОЛ АНГЛИЙСКОЙ БУЛАВКИ

— Такое диалектическое единство противоположностей не могло не сказаться на вашей натуре. Уверена, что вы — конфликтный человек.

— Вся моя жизнь в творчестве — выход на конфликт. Благостное общение ничего не дает. Только в конфликте возникает взаимопонимание. Безумные бои у нас шли с Колей Рашеевым на съемках "Бумбараша" по поводу всего: сценария, выбора актеров. Он хотел брать на главную роль Мишу Кононова, только что сыгравшего в фильме "В огне брода нет". А я в это время увидел Золотухина в спектакле Любимова "Живой" и сразу понял: вот это Бумбараш. Гигантская ссора была по поводу финала. В сценарии была написана сцена, в которой Бумбараш, сцепившись с Гаврилой в роковой схватке, побеждает его, всадив ему в задницу английскую булаву. Я такого допустить не мог. В результате ругани возник другой финал: Бумбараш, Гаврила и Варвара сидят вместе, над ними звучит песня "Ходят кони".

— Вы много говорили о сегодняшнем культурном упадке. Не связано ли это с общими кризисными тенденциями, характерными для рубежа веков?

— Еще Асафьев писал о том, что эпохи музыкальных и политических кризисов совпадают, потому что они вызваны одинаковыми причинами. XX век по драматизму превзошел все времена. Музыка XX века вывела на передний план эстетику деформированного подсознания. Однако, по моему мнению, культура всегда шла по пути гармонизации мира. Даже если мы имеем дело с деформированным миром, мы должны вылечить его. Высокая музыка именно этим и занимается: она зализывает раны, а не обнажает их.

— Какая музыка зализывает наши раны в XXI веке — ваш прогноз?

— Думаю, что музыка XXI века вберет в себя весь немислимо богатый арсенал музыки от самой древности до последних достижений, сблизит бытовую интонацию с академической традицией. Подобные сочинения уже появлялись: первая рок-опера Уэббера "Иисус Христос — Суперзвезда" соединила разного рода музыкальные направления: рок и атонализм, баховскую кантату и поп-музыку.

— Знаменитый дуэт Монсеррат Кабалье и Фредди Меркьюри тоже не что иное, как попытка слить рок и классику в едином ("третьем?") направлении.

— Многие большие музыканты открыты для этого: Юрий Башмет исполнил дуэт с джазовым саксофонистом Алексеем Козловым. От этого выиграют все: живая интонация бытовой музыки необходима исполнителю классического стиля.

— То есть будущее за "третьим направлением"?

— Я думаю, что у музыки другого пути нет.

На этой реплике Персик, до того мирно дремавший на рояле, потянулся и задел лапой сенсорный выключатель телевизора. Телевизор внезапно зашипел, и шуганувший Персик в панике соскочил на пол, наверняка вызвав у соседей внизу падение люстры. Мы с Владимиром Сергеевичем многозначительно переглянулись: знамение было налицо.

Екатерина КРЕТОВА.
Фото Геннадия ЧЕРКАСОВА.

предназначенная для злодея Гаврилы. Однако, услышав ее, Валерий Золотухин, игравший Бумбараша, как-то странно свернул глазами. И мы поняли: завязалась интрига. В итоге эту песню спел он, а для Гаврилы мы написали другую.

— Песня "Ходят кони" даже вошла в народный быт...

— Ее однажды по радио так и объявили: русская народная песня. Я после этого позвонил Киму и говорю: "Этот тебе русский народ звонит", а он отвечает: "Русский народ слушает".

КОЛЫБЕЛЬНАЯ УСТАЛОМУ НАРОДУ

— Хоть этот факт и свидетельствует о всенародном признании, однако согласитесь, вы — элитарный композитор. В 60—70-е годы отдали дань авангардной стилистике, да и теперь сочиняете "музыку не для всех".

— Когда я, как всякий профессиональный композитор, сочинял музыку, используя всевозможные современные композиторские техники, то вскоре понял, что работаю на выдохе. Я стал задыхаться без кислорода. Я понял, что все решает новая интонация, найти которую гораздо труднее, чем утонуть в додекафонии. Перед художником всегда встает вопрос, что создавать — модели гармонизаций мира или модели крушений. Я выбрал модели гармонизаций. Что же касается элитарности, то признаюсь: я беру на себя обязательство быть контактным только с той аудиторией, с которой вообще есть смысл говорить. Но не беру на себя обязательство говорить с любой аудиторией. Я принципиально не откажусь ни от одного слова своего языка, даже если это отсечет от меня какую-то группу слушателей. В этом смысле моя музыка действительно обращена к элите. И конечно, я отдаю себе отчет, что не могу написать песню для эстрады, потому что для этого я должен раздавить в себе уважение к своей профессии и создать нечто соответствующее уровню вкуса массы.

— Вы — автор многих сочинений, в которых бытовая эстрадная интонация соединилась со

них всегда стоит толпа слушателей. А я каждый раз боюсь: вдруг сегодня их не будет? Вот прогонят их, где тогда люди станут Моцарта слушать?

— Высокое искусство спустилось в подземный переход — это звучит как метафора. Как же подобное могло случиться?

— Россия восприняла демократию по-большевистски — как власть большинства. Тогда как во всем мире создание творческих ценностей остается уделом меньшинства. Лучшие творцы создают лестницу, которая уходит вверх и тянет за собой остальных, с трудом, но все-таки перебирающихся со ступеньки на ступеньку. У нас большинство своим невежеством, своей ленью подавляет общество. Все хохоют над рассказами Михаила Задорнова о провале предвыборной кампании Гайдара, который отравил от себя электорат употреблением чересчур умных слов, вроде слова "отнюдь". Мы сегодня переняли ленинское отношение с интеллигенции как к "говну нации", не принимая во внимание, что цивилизованное общество не разовоется без интеллигенции, потому что оно будет ориентировано на людей, не знающих слово "отнюдь". А люди, знающие и употребляющие это слово, будут сброшены вниз лавиной бескультурья, что и происходит в России на наших глазах.

ПОРУЧИК ДАШКЕВИЧ

— Не боитесь обвинений в русофобии?

— Вряд ли меня можно чем-то испугать. В моей жизни было много всякого. Лет в девять я с мамой ездил в Воркуту в лагерь к отцу, которого перевели на дальнее поселение. В школу нас возили на санях. Однажды меня как москвича мои одноклассники выбросили из телеги, и я, набравшись безумной храбрости, направился в школу напрямик через снежную целину. То, что дошел, было просто чудом. В 11 лет я пережил первый облык, когда отца арестовали уже вторично. У меня забрали записную книжку, куда я записывал свои мудрые мысли. Я тогда ужасно окрылился на казбэшников: "Это моя записная книжка!" Один из них посмотрел на меня